

ПРОЛОГ

Мы видим перед собой опытного снайпера. С неподвижностью, которая кажется противоестественной, он лежит на твердых камнях. Разреженный воздух все еще не прогрелся, но человек не позволяет себе дрожать.

С минуты на минуту взойдет солнце и изгонит с гор ночной холод. В его лучах взору предстанет поистине сказочная красота. Высоченные пики, окутанные вечными снегами; вековечное непорочно чистое небо, которое ближе к полудню обретет цвет голубого алмаза; далекие луга такого ярко-зеленого цвета, какой редко встретишь в природе; извилистые ручьи, сбегаящие между соснами, густым ковром покрывающими горные склоны.

Ничего этого снайпер не замечает. Если вы укажете ему на окружающие красоты, он просто не поймет вас. Красота природы, или женщины, или даже винтовки не входит в число понятных ему концепций, особенно учитывая то, что ему приходилось делать и где довелось побывать. Он просто не замечает ничего этого; его разум не способен мыслить подобным образом.

Вместо этого он видит пустоту. Он пребывает в состоянии, сходном с анабиозом. Сейчас ни одна идея не имеет для него никакого значения. Его сознание почти совсем пусто, словно он находится в трансе.

У него, как и у многих других прославленных стрелков, короткая шея; в голубых глазах, наделенных чуть ли не сверхъестественной двукратной дальностью, не отражается никакой умственной деятельности, они неподвижны, как у манекена. Даже пульс у него почти неощутим. Он обладает многими странностями, которые у обычного человека покажутся чуть ли не уродствами, но для стрелка яв-

ляются несомненными достоинствами. Ему уже перевалило за пятьдесят, но хорошо развитые мышцы предплечья налиты силой и, как в молодости, способны к мгновенному сокращению. Кисти рук крупные и сильные. Его выносливость, скорость реакции и нечувствительность к боли выходят далеко за рамки. Он силен, ловок и энергичен, как спортсмен мирового класса. Он наделен практическим и творческим умом, а также волей, целеустремленной, как луч лазера.

Однако все эти качества не могут описать его в полной мере, так же как нельзя подобным образом охарактеризовать Уильямса или Ди Маджио¹. Он просто обладает особой одаренностью, каким-то свойством, сходным с аутизмом, которое позволяет в любых условиях сохранять полный контроль над телом и разумом, рукой и глазом, придает ему бесконечную выдержку. Это жестокое дарование становится главным условием успеха в его непостижимом для большинства людей искусстве, являет собой самую суть его личности и позволяет ему вести жизнь, которую мало кто способен даже вообразить себе.

И сейчас для него не существует ничего. Ни прошлого, ни будущего, ни боли в теле, всю долгую ночь неподвижно пролежавшем на холодных камнях, ни возбуждения в ожидании событий, которыми, возможно, окажется богат наступающий день. Ни предчувствий, ни сожалений. Ничего.

Перед ним на мешочке, туго набитом песком, лежит наискось орудие его ремесла. Он владеет им не хуже, чем любой частью своего тела; он бесконечно много упражнялся с ним, готовясь к тем тридцати секундам, которые непременно наступят сегодня, или завтра, или послезавтра.

Это «Ремингтон-700» с прецизионно обработанным стекловолоконным ложем и десятикратным оптическим прицелом «Льюпольд». Винтовка была доработана умелым оружейным мастером, чтобы можно было полностью, до десятых долей процента, использовать весь потенциал оружия: механизм выверен и подогнан, в приклад вставлен металли-

¹ Уильямс Теодор Самуил, Ди Маджио Джозеф Пол — прославленные американские игроки в бейсбол первой половины XX века. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ческий блок, тяжесть которого придает винтовке идеальный баланс; полусвободный затвор, вместо стандартного ствола поставлен кригеровский, подвергнутый криогенной обработке. Жавелевский спусковой крючок настроен на усилие в полтора килограмма и сдвигается с места, издавая чуть слышный короткий скрип, напоминающий звук сломанной стеклянной палочки.

Снайпер несколько недель экспериментировал со своей винтовкой, добиваясь полной гармонии, которая гарантировала максимальный результат от использования оружия. Он нашел наилучшее соотношение между весом пули и ее расположением в гильзе, определил самый подходящий порох и собственноручно набил им патроны. Ничто не было оставлено на волю случая: гильзы были тщательно запрессованы; дно вокруг капсюлей отшлифовано, чтобы не осталось даже мельчайшего заусенца; глубина посадки капсюлей тщательно выверена; капсюли, на которых можно было разглядеть хоть крошечную царапину или вмятину, безжалостно отбраковывались. На стволе укреплен новейший пламегаситель — баллистическая оптимизирующая система «Браунинг», — являющийся дополнительной направляющей насадкой, продолжающей нарезку; его можно настроить тончайшим образом, чтобы добиться наилучших вибрационных характеристик, так сильно влияющих на точность выстрела.

А сами патроны не военного, а гражданского образца — 7-миллиметровый «ремингтон-магнум». Не так давно они были гвоздем сезона у охотников всего мира, поскольку могли с поразительно большого расстояния уложить наповал горного барана или оленя. Хотя есть типы патронов, превосходящие этот по ударной силе, но зато он обеспечивает точную траекторию полета пули, сохраняющей в разреженном воздухе высокую скорость и поражающей цель с силой почти в девятьсот килограммов на расстоянии свыше пятисот метров.

Но обо всех этих данных снайпер не думает; вернее, больше не думает. В свое время он ознакомился с ними, а теперь выкинул из головы. Цель его бесконечных баллистических

экспериментов была очень проста: довести винтовку и боеприпасы до такой степени совершенства, чтобы можно было больше не думать ни о том ни о другом. Это едва ли не главный принцип большой стрельбы — подготовить все наилучшим образом, а потом забыть обо всем, кроме дела.

Когда раздаются звуки, это не потрясает и не удивляет снайпера. Он все время знал, что рано или поздно услышит их. Они не порождают в нем ни сомнений, ни сожалений, ни каких-то других чувств. Их значение просто и очевидно: пришло время работать.

Это звонкий девичий смех, полный веселого возбуждения. Отдаваясь от каменных стен ущелья, будоража разреженный воздух, он с расстояния около тысячи метров долетает из полумрака, укрывающего низину, до этого небольшого плато среди скалистых гор.

Снайпер сгибает и разгибает пальцы, восстанавливая их чувствительность. Его внимание сосредоточивается на горловине ущелья. Плавным движением, отработанным до автоматизма благодаря сотням тысяч выстрелов, произведенных на тренировках и во время выполнения многочисленных заданий, он подтягивает к себе винтовку. Приклад словно сам собой прижимается к щеке. Одна рука изгибается в запястье; предплечье другой принимает на себя тяжесть немного приподнявшегося торса, так что тело образует нечто наподобие моста над камнями. Опорой для руки служит плотно набитый песком мешок. Снайпер принимает единственно верное положение; его щека прикасается к прикладу именно в том месте, которое позволяет с идеальной точностью воспользоваться оптическим прицелом, и изображение, возникшее в кружке перед его глазом, оказывается ярким, как на экране кинотеатра. *Adductor magnus*, мощная мышца, проходящая в глубине его бедра, слегка напрягается, и правая нога чуть заметно отодвигается в сторону.

Высоко над ним по синему утреннему небу скользит ястреб, оседлавший восходящий поток воздуха.

В ручье плещется форель.

Медведь пробирается сквозь заросли, высматривая, чем бы полакомиться.

Олень резво пробегает через густой кустарник.

Снайпер ни на что не обращает внимания. Ему нет до этого никакого дела.

— Мама! — кричит восьмилетняя Ники Свэггер. — Ну давай!

Ники ездит верхом лучше своих родителей; она, можно сказать, выросла верхом на лошади, поскольку ее отец, бывший сержант морской пехоты, выйдя в отставку, решил вернуться к своим сельским корням и занялся разведением лошадей на полузаброшенном ранчо в Аризоне. Там и родилась Ники.

Мать Ники, красивая женщина по имени Джулия Фенн Свэггер, едет следом. У Джулии нет того природного изящества, которым обладает ее дочь, но она выросла в Аризоне, где нельзя и представить себе жизнь без лошади, и ездила верхом с детских лет. Ее муж, выросший на ферме в Арканзасе, в детстве тоже много ездил верхом, затем у него был перерыв в несколько десятилетий, после которого он возвратился к животным и так полюбил их за цельность природы и преданность, что смог сделаться настоящим наездником. Верховая езда — это один из его талантов.

— Ладно, ладно, — отзывается мать, — только будь осторожней, милая.

Она отлично знает, что осторожность — это последнее, о чем будет думать Ники. Эта маленькая героиня готова рискнуть всем, чтобы добиться всего, и, по-видимому, полностью лишена чувства страха. Она похожа на индейцев древности, а также на своего отца, который был когда-то настоящим героем войны.

Женщина оборачивается.

— Ну что? — негромко кричит она, копируя интонации своей дочери. — Ты ведь хотел увидеть, как восходящее солнце освещает долину?

— Угу, — доносится ответ третьего всадника, все еще остающегося невидимым.

Ники вырывается из тени на яркий солнечный свет. Ее лошадь, четырехлетний чистокровный мерин по кличке Калипсо, — настоящая бестия, но Ники без труда справляется

с ним. Как ни странно, она ездит по-английски, так как ее мать мечтает, что в будущем девочка поступит в колледж на востоке, где этот навык, говорящий об искушенности в конном спорте, даст ей гораздо больше преимуществ, чем примитивное умение держаться в седле, как ковбой. А отцу английское седло не нравится: оно не защищает девочку от ударов о каменные мышцы лошади, и, бывая на конских выставках, он думает, что мешковатые джодпуры¹ и коротенькая вельветиновая курточка с пеной кружев вокруг ворота ну просто очень смешны.

Калипсо гремит копытами по каменистой тропинке; сразу видно, что животное столь же умно, сколь и бесстрашно. Смотреть, как маленькая девочка легко справляется с огромной лошадьё, — одна из самых больших радостей, которые имеются в жизни ее отца: никогда она не бывает такой живой, счастливой и уверенной в себе, как на спине своего любимца. И сейчас, когда лошадь наконец-то вырывается на плато, голос Ники дрожит от радости. Перед ними самый красивый вид, какой только есть на маршруте конной прогулки, и девочка стремительно несется вперед. Может показаться, что она не справляется с лошадьё, но на самом деле она полностью контролирует скакуна.

— Дорогая, — кричит Джулия, глядя, как ее дочь весело несется навстречу опасности, — осторожнее!

Ребенок. Женщина. Мужчина.

Ребенок едет впереди как лучший из троих наездников, смелый и энергичный. Вот девочка появляется из полумрака ущелья, пускает лошадь вскачь, и животное, громко стуча копытами, несется по траве к краю пропасти, останавливается на месте, резко поворачивается и бьет копытом от нетерпения. Девочка крепко держит поводья и смеется во все горло.

Женщина едет следом. Она не столь одаренная наездница, но все же легко и свободно сидит в седле идущей крупной неровной рысью лошади. Снайпер отчетливо видит ее соломенные волосы, смуглое от солнца лицо, играющие под джинсами и рабочей рубашкой крепкие мускулы. Под жен-

¹ *Джодпуры* — бриджи для верховой езды.

щиной крупная гнедая лошадь, надежная рабочая ковбойская лошадь, которая кажется куда менее ухоженной, чем лошадь ее дочери.

И наконец появляется мужчина.

Это поджарый человек с настроженным взглядом; к его седлу приторочен чехол, из которого выглядывает приклад карабина. Он производит впечатление опасного субъекта, прошедшего специальную подготовку, человека, неподвластного панике, способного реагировать без промедления и стрелять без промаха, и таков он и есть на самом деле. Опытный наездник представляет единое целое со своим конем, бессознательно управляя им одними движениями бедер. Он сидит в седле расслабившись, но все равно ни на мгновение не теряет бдительности.

Он не может увидеть снайпера. Снайпер находится слишком далеко, его позиция тщательно закамуфлирована, он выбрал такое положение, что в этот час лучи восходящего солнца светят прямо в лицо его жертве и та не в состоянии увидеть что-либо, кроме радужных разводов в ослепленных глазах.

Перекрестье прицела наплывает на фигуру мужчины и больше не отрывается от него, хотя тот галопом мчится вперед; прицел плавно покачивается, подчиняясь тому же ритму, в котором перемещаются, покачиваясь вверх и вниз, животное и всадник. Палец стрелка ласково прикасается к спусковому крючку, ощущает его послушную податливость, но не нажимает на него до конца.

Движущаяся цель, перемещающаяся по горизонтали слева направо, но при этом еще и раскачивающаяся в вертикальной плоскости. Дистанция 753 метра. Это, бесспорно, невозможный выстрел, хотя многие в подобных обстоятельствах решились бы на него. Но опыт рекомендует снайперу выждать: впереди будет лучший, более надежный выстрел. А когда имеешь дело с таким человеком, как Свэггер, выстрел может быть только единственным.

Мужчина нагоняет женщину; эти двое о чем-то болтают между собой, и слова мужчины заставляют женщину улыбнуться. Белая вспышка зубов. Крохотная часть, еще сохранившаяся в снайпере от человека, испытывает мгновенный

приступ боли при виде красоты и свободной непринужденности женщины. Ему приходилось иметь дело со множеством проституток во всем мире, среди них были очень и очень дорогие, но такой вот момент близости относится к той сфере жизни, которая совершенно ему незнакома. Ну и отлично. Он сам выбрал себе работу, которая вынуждает его жить, не соприкасаясь с остальным человечеством.

Господи боже ты мой!

Он ругательно ругает себя. Именно так и срываются выстрелы: отвлекся хотя бы на миг — поставил под угрозу исход всей операции. Он на мгновение закрывает глаза, погружается в темноту, освобождает сознание от ненужных мыслей, снова открывает веки и вглядывается в лежащую перед ним местность.

Мужчина и женщина подъезжают к краю. Расстояние 721 метр. Перед ними долина; солнце, поднимаясь все выше, заливает ее своим светом. Но для снайпера все это имеет лишь тактическое значение: его цель наконец-то остановилась. В прицеле он видит групповой портрет семьи: мужчина, женщина и ребенок. Их головы находятся практически на одном уровне, так как лошадь ребенка намного выше, чем лошади родителей. Семейство о чем-то болтает, девочка смеется, указывает пальцем на птицу или на какое-то другое живое существо. Женщина смотрит вдаль. Мужчина, оставаясь настроженным, все же расслабляется на какое-то мгновение.

Перекрестье прицела делит широкую грудь на четыре части.

Опытный снайпер задерживает дыхание, приводит себя в состояние абсолютного спокойствия, но при этом ничего не желает. Он никогда ничего не решает, ни к чему не стремится. Это просто случается.

Винтовка коротко отдает, и, когда через бесконечно малую долю секунды она возвращается в прежнее положение, он видит, как грудная клетка высокого мужчины взрывается от удара 7-миллиметровой пули «ремингтон-магнум».

Часть первая
ПАРАДНАЯ ПАЛУБА

Вашингтон, округ Колумбия,
апрель—май 1971 года

ГЛАВА 1

Эта весна выдалась необыкновенно жаркой, и Вашингтон изнывал под палящими лучами солнца. Трава рано побурела и поблекла, на улицах то и дело возникали пробки, горожане были неприветливы и грубы; даже мраморные памятники и белые правительственные здания производили жалкое впечатление. Весь город охватило оцепенение, как будто он оказался во власти какого-то заклятия. Ни один человек, относившийся к официальным кругам Вашингтона, больше не ходил ни на какие вечеринки. Наступило время озлобленности и взаимных обвинений.

И еще это было время осады. Город фактически подвергся атаке. Процесс, которому президент придумал название «вьетнамизация», шел недостаточно быстро, с точки зрения демонстрантов, выступающих за немедленное окончание войны. Они целыми армиями оккупировали городские парки и окраинные улицы, то намертво блокируя их, то позволяя в какой-то степени сохранять обычный образ жизни, причем делали все это практически беспрепятственно, исходя из своих собственных соображений. Уже в этом месяце движение «Ветераны Вьетнама за мир» взяло штурмом ступени Капитолия, засыпав их ядовитым дождем боевых медалей. Большое количество акций было запланировано на начало мая, когда майское собрание Народной коалиции за мир и справедливость поклялось снова закрыть город, на сей раз на целую неделю.

Во всем городе оставалось только одно место, покрытое по-настоящему зеленой травой. Кое-кто, взглянув на него, мог бы счесть зелень последним уцелевшим символом американской чести, единственным оставшимся упованием. А другие ответили бы, что зелень эта искусственная, как и бесчис-

ленное множество других вещей в Америке, что она существует лишь благодаря усилиям огромного количества эксплуатируемой рабочей силы, лишенной возможности выбора делать или не делать что-либо. «Именно это мы и хотим изменить», — добавили бы они.

Зеленая трава покрывала плац, или, если воспользоваться местным жаргоном (который в своем тщеславии сводил весь мир к простому продолжению или метафорическому воспроизведению военного корабля), парадную палубу при казармах морской пехоты, расположенных на пересечении Восьмой и Первой Северо-Западных улиц. Молодые солдаты ухаживали за этой травой с усердием, которому мог бы позавидовать любой садовник, надзирающий за растительностью вокруг стен кафедрального собора, поскольку, по крайней мере для иезуитских мозгов морских пехотинцев США, это было поистине священное место.

Казармы, построенные в 1801 году, были старейшим сооружением Соединенных Штатов, постоянно использовавшимся в военных целях. Их не осмелились сжечь даже британцы, спалившие дотла весь город в 1814 году. За плацем с одной стороны располагались дома офицеров, затем здания для трех рот — «Альфа», «Браво» и «Отель» (так называлась штабная рота), и возле дальней стороны четырехугольника находился дом коменданта, сохранявшийся в первоначальном виде, чтобы дать представление, как в старину теоретически представляли себе службу в Корпусе и вообще служение стране.

Древние кирпичи были темно-красными, а архитектурный стиль, бесспорно, восходил к тем временам, когда главным достоинством зданий считали прочность. Сооружение, задуманное в более грубую и жестокую эпоху как форт, теперь украшали старые деревья; земляные тропки давным-давно были замощены аккуратной брусчаткой, и древняя крепость стала походить на университетский городок Лиги плюща¹. Над этим городком на конце высокой мачты дерзко реял на легком ветерке красно-бело-голубой флаг. Абсо-

¹ *Лига плюща* — общее название нескольких старейших и самых престижных университетов США.

лютная серьезность всей этой обстановки живо пробуждала в душах ощущение близости страстного девятнадцатого столетия; она служила восхвалению гордой участи любого, кому посчастливилось оказаться на этом клочке земли, представлявшем собой почти независимое герцогство Корпуса морской пехоты Соединенных Штатов, расположившееся всего лишь в трех километрах от Капитолия, где в настоящее время хрупкие связи демократии оказались напряженными до последнего предела.

Здесь под обжигающими лучами невероятно жаркого апрельского солнца молодые люди учились тому, чего требовала от них армейская жизнь, или же бездельничали — в зависимости от того, какую судьбу на данный момент выбрали для них командиры.

В тенистом уголке возле перекрестка Солдатской аллеи и Южной галереи курили, присев на корточки, семеро мужчин, вернее, юношей. Они были одеты в форму, называвшуюся «повседневной синей» и состоявшую из синих брюк, габардиновой сорочки чайно-коричневого цвета с короткими рукавами и открытым воротом и надвинутой низко на глаза белой пилотки — «колпака», как в Корпусе именовали головные уборы. Единственной особенностью в их облике, по которой более или менее наметанный глаз смог бы отличить этих парней от других морских пехотинцев, являлись полуботинки, не просто начищенные, а великолепно надраенные и ослепительно сверкавшие на солнце. Начищенная обувь была одним из фетишей, которым поклонялись в этой культуре. Сейчас у молодых морских пехотинцев был перерыв, и рядовой первого класса Кроу, находившийся в подразделении в роли клоуна, естественно, рассуждал о природе вещей.

— Ну посудите сами, — он строго поглядел на слушателей и затянулся «Мальборо», — как здорово это будет выглядеть в виде краткого резюме. Я сообщаю, что служил в элитной части. Прошел проверку для допуска к секретности. Нас обучали и готовили для особых заданий, и когда мы в жаркую и душную погоду наконец приступили к их выполнению, то люди вокруг меня падали один за другим. Но я, черт возьми, продолжал идти. Я был героем, черт возь-

ми, настоящим героем. Разумеется, я не стану сообщать им, что речь идет о... парадах.

Наградой ему послужил взрыв хохота. Товарищи ценили парня за добродушный, безвредный характер и чувство юмора. Его дядя являлся основным и самым удачливым сборщиком средств для одного конгрессмена, чем и объяснялось присутствие Кроу в роте «Б», занятой почти исключительно церемониальными похоронами. Военнослужащим этого подразделения почти не приходилось опасаться, что им придется с немалым риском для жизни исполнять тяжелые обязанности в местах, которые в официальных документах обозначались как Западная часть Тихоокеанского региона, а в среде молодых морских пехотинцев назывались Дурной Землей. Кроу не испытывал ни малейшего желания посетить республику Южный Вьетнам.

Говоря по правде, во всем 2-м «гробовом» отделении лишь одному человеку из семи довелось послужить в Южном Вьетнаме. Это был его командир капрал Донни Фенн, двадцати двух лет от роду, родом из Ахо, штат Аризона. Донни, крупный и почти неправдоподобно красивый белокурый парень, имевший за спиной год колледжа, провел семь месяцев в другой роте «Б», 1/9 «Браво», приданной 3-му водно-десантному соединению на время действий 1-го корпуса в районе Анхоа. Он имел много ранений, из которых одно было тяжелым: пуля попала в легкое, и ему пришлось пролежать шесть месяцев в госпитале. У него была также награда, которую он называл не иначе как «э-э-э... брнзвзда» и при этом не смотрел в глаза собеседнику.

Но теперь Донни просто дослуживал. То есть ему оставалось служить меньше тринадцати месяцев, и это, по слухам, означало, что Корпус в своей бесконечной мудрости не станет отправлять его обратно на Дурную Землю. Дело было вовсе не в том, что Корпус вдруг решил проявить заботу о сохранности его молодой жизни. Нет, все объяснялось лишь тем, что срок службы в Наме составлял именно тринадцать календарных месяцев и отправка туда кого бы то ни было менее чем на тринадцать календарных месяцев нанесла бы непоправимый урон красоте отчетов, которой все клерки, думающие не мозгами, а задницами, придавали ко-

лоссальное значение. Так что, с какой стороны ни взгляни, Донни благополучно миновал основной военный конфликт своего поколения.

— Ладно, хватит курить, — произнес он, взглянув на часы, стрелки которых как раз замерли на 11:00, что извещало об окончании перерыва. — Гасите чинарики. Бабы, курящие сигареты с фильтром, могут сунуть фильтры в карманы. Если увижу здесь хоть один окурок, то вы у меня будете заниматься физкультурой до самого утреннего осмотра.

Солдаты что-то негромко пробурчали, но повиновались. Они, конечно, знали, что на самом деле их командир не собирается выполнять свою угрозу. Как и все они, Донни не был кадровым военнослужащим. Как и они, он собирался вернуться к мирной жизни.

И потому, как любая другая группа равнодушных молодых людей, оказавшихся в составе столь безжалостного учреждения, как Корпус морской пехоты, они с чувством, нисколько не похожим на настоящий энтузиазм, вернулись к своим занятиям. В казармах «Восемь-один» шел очередной день, обычный день, когда солдаты, не находящиеся в суточном наряде или не стоящие в карауле на кладбище, занимают на «парадной палубе». Подъем за тридцать минут до рассвета, с 6:00 час физической подготовки, в 7:00 утренний осмотр, в 8:00 завтрак, и с 9:30 начинаются длинные, иногда бесконечные часы тренировок, в ходе которых отрабатываются разнообразные приемы из ритуала воинских похорон или же действия при подавлении массовых волнений. На этом дневные обязанности обычно бывают исчерпаны: те, кто имел какие-либо наряды, заканчивают их выполнение, и парни оказываются предоставлены самим себе (женатым разрешается жить вместе с женами за пределами базы, а многие из неженатых с молчаливого согласия начальства снимают в складчину дешевые квартирки на Капитолийском холме). Они могут либо просто слоняться по улицам, либо играть на бильярде и пить слабенькое пиво в баре для военнослужащих, либо пойти в один из многочисленных кинотеатров вашингтонских торговых кварталов, либо даже попытать счастья с женщинами в барах Капитолийского холма.